

С.В. Доронина

Алтайский государственный университет

**Способы выражения эпистемического значения
достоверности и его оттенков**

Аннотация: В статье рассмотрен ряд дискурсивных слов-выразителей эпистемического значения. Специфика семантики позволяет разделить их на средства выражения достоверного знания и уверенного мнения.

The subject of the report is the meanings of epistemic discourse words. Semantic features permit to divide them into fact meaning and opinion meaning expressions.

Ключевые слова: эпистемическое модальное значение, значение достоверности, значение мнения, дискурсивные слова.

Epistemic modal sense, fact meaning, opinion meaning, discourse words.

УДК: 81.34.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366384. E-mail: esdor@mail.ru.

Средства выражения модальных значений, являясь предметом пристального внимания исследователей в последние 50 лет, тем не менее, открывают все новые аспекты исследования. В частности, в рамках актуальной для лингвистики проблемы разграничения знания и мнения необходим анализ модальных оттенков эпистемического значения.

Непосредственным выразителем значения недостоверности выступают лексемы полагания (*кажется, считаю, думаю, предполагаю*), незнания (*неизвестно, тайна, секрет, все равно*), сомнения и допущения (*сомневаюсь, не верится, еще не доказано, неправдоподобно, возможно, может быть*) [Арутюнова, 1988; Падучева, 2004]. Значение категорической достоверности ('правда, что P') традиционно имеет нулевой способ выражения. В естественном языке любое предложение типа *Идет снег* включает эпистемическое значение истинности. Поэтому наличие в языке богатого синонимического ряда *бесспорно, несомненно, безусловно, действительно, правда, ясно* и пр. объясняется тем, что лексемы данной ЛСГ обогащены дополнительными коммуникативными смыслами. Существует мнение о том, что данная ЛСГ вообще неспособна маркировать объективную информацию: «Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки, но и выражение уверенности. Выражение даже самой сильной уверенности никогда не может перейти в знание» [Дмитровская, 1988, с. 10]. Таким образом, в рамках данного ряда необходимо разграничить лексемы знания и мнения, высказанного с высокой долей уверенности. Тем более, что данная прагматическая информация пока не находит должного лексикографического отображения.

Описание значения дискурсивных слов возможно только в составе синтаксических форм. Наблюдения показывают, что абсолютное большинство исследуемых дискурсивных лексем может употребляться как с субъективно-оценочными, так и с дескриптивными пропозициями, поэтому простое описание семантики контекстов употребления не дает надежных результатов. Главными методами

анализа становятся оценка синонимических замен и поиск отрицательных контекстов, позволяющие определить, является ли информация внешней по отношению к говорящему субъекту или выступает порождением его сознания.

Метод синонимических замен эффективен при внедрении дискурсивных синонимов в дескриптивные контексты. Оценочные пропозиции безразличны к семантическому типу модального слова: *Он действительно очень умный – Он, безусловно, умен – Он, вероятно, не глуп* (в первом контексте семантика фактивности, присущая частице, нейтрализуется). Фактивные же пропозиции способны изменить свой информационный статус при помощи дискурсивных слов: *Он правда уехал – Несомненно, он уже уехал – Может быть, он уехал* (в данном ряду фактом является только первое суждение). В предложении с фактуальным значением причина смены статуса информации с объективного на субъективный при внедрении дискурсивной эпистемической лексемы становится наиболее очевидна. *Он вернулся – Он действительно вернулся – Он явно вернулся* – где лексема *действительно* обуславливает фактуальность высказывания, а употребление *явно* возможно лишь в контексте, являющемся выводным знанием из имеющихся посылок: *Все вещи разбросаны, комната полна сигаретного дыма, на столе пустые пивные бутылки – он явно ночевал не один.*

Весьма эффективен и метод поиска отрицательных контекстов, хотя синтагматические ограничения, налагаемые на употребление той или иной дискурсивной единицы, не всегда связаны с информационным статусом и вообще с семантикой лексемы.

Исследование некоторых слов, выражающих эпистемическое значение, находим в работе Е.С. Яковлевой [Яковлева, 1994]. Автор определяет разницу между лексемами категорической достоверности *бесспорно, естественно, конечно, настоящий, поистине, сущий*, ссылаясь на известное противопоставление непосредственного знания и умозаключения, принадлежащее Б. Расселу: «Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины», – а также «существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей, с помощью некоторых общих принципов» [цит. по: Яковлева, 1994, с. 199]. В проекции на оппозицию «сведение – мнение» объективными следует признать лишь суждения первого рода. Всякое умозаключение, прежде чем стать знанием, проходит этап верификации, соотнесения выводов с объективной реальностью. Поэтому информацию второго типа следует отнести к мнениям, пусть даже выраженным категорически.

Различные оттенки значений категорической достоверности, описанные в работах [Арутюнова, 1988; Доронина, 2008; Падучева, 2004; Путеводитель, 1993; Яковлева, 1994], позволяет разделить дискурсивные слова на четыре группы:

1) маркирующие достоверную информацию, соответствующую толкованию 'знаю, что P'. К этой группе относятся, в частности, единицы *действительно, правда, верно, в действительности*.

2) маркирующие уверенное мнение, соответствующее толкованию 'считаю, что P': *несомненно, очевидно, бесспорно, ясно, понятно*.

3) способные выражать несколько модальных значений. К этой группе относятся, как правило, модальные предикаты: *не может быть, исключено*. Фактуальность или субъективность высказывания в данном случае определяется более широким контекстом.

4) вообще не выражающие оппозиции «субъективность – объективность» и вследствие этого не маркирующие контекст как фактуальный или оценочный: *конечно, естественно*.

В продолжение данной классификации к группе маркеров достоверной информации следует отнести *известно* и *точно*. О способности *известно* маркиро-

вать достоверную информацию свидетельствует выражение (1) *как стало известно, Р* vs. (2) *насколько мне известно, Р*. Оба данных выражения имеют смысл лишь в том случае, если информация Р не порождена субъектом, а пришла к нему извне. Однако (2) используется в том случае, если говорящий, хотя и в малой степени, допускает ложность Р, высказывание (1) маркирует факт, подверженный огласке. Таким образом, конструкции *известно, что Р* и *как стало известно* маркируют утверждения о факте, при помощи выражения *насколько мне известно* передается мнение.

Лексема *точно* функционирует в контекстах противопоставления в значениях 'известно' (vs. 'неизвестно') *Восемь точно погибли, судьба остальных неизвестна* [Национальный корпус русского языка¹. Бычкова, 2003]; а также 'действительно' (vs. 'предположительно') *Думал, прибежит мой Вьюн. Возвращаюсь – и точно, сидит у крыльца как ни в чем не бывало*. [Корпус, 2004]. Контекстуальные синонимы «известно» и «действительно» передают достоверную информацию, следовательно, частица «точно» также выражает объективный статус информации.

«Путеводитель по дискурсивным словам» [1993] считает выразителем достоверности словосочетание *на самом деле*. Данное значение у лексемы действительно является основным, что подтверждается контекстами: *А на самом деле самолёт-то и лётчик скоро вернутся, но мы этого уже не увидим*. [Корпус. Гришковец, 2004]. *Хотя если ждёт встреча с любимым / может это и на самом деле так!* [Корпус. Филатов, 2004]. Однако наблюдения за устной монологической разговорной речью показывают увеличение количества употреблений данного выражения вне контекстов опровержения и, следовательно, без значения противопоставления истинного утверждения ложному: *Песня «Избранница» / на самом деле самая известная в Иркутске*. [Корпус. Филатов, 2004]. *Где ты предпочитаешь проводить отпуск? – На самом деле я люблю природу, деревню, безлюдные места. Ведь жизнь артиста всегда на виду* [ТВ версия «Cosmopolitan»]. *Вы довольны своим выступлением? – Было очень приятно, на самом деле, выступить на большой сцене с такими прекрасными девушками* [ТВ программа «Минута славы»]. Представляется, что данное вводное сочетание идет по пути идиоматизации, сближаясь с выражениями *по правде говоря, откровенно говоря, сказать по правде*, более относящимся к группе маркеров коммуникативной модальности [см.: Рябцева, 1993, с. 52]. Семантика кросс-референции к другим высказываниям проявляется в них при моделировании отрицательных контекстов. Трудно представить себе дискурс, в котором выражение «*По правде говоря, дождь идет*» было бы нормативным. Гораздо более высока вероятность появления высказываний типа «*По правде говоря, на улице дождь*» (а не солнечно, как, может быть, ты думаешь); «*Откровенно говоря, дождь идет уже больше часа*» (а не пять минут, как может показаться на первый взгляд); «*По правде сказать, я не люблю гулять под дождем*» (если вдруг ты предположил иное). Во всех перечисленных контекстах функция вводных слов состоит в том, чтобы подчеркнуть позицию говорящего в противопоставление какой-либо иной позиции, имеющейся у собеседника или третьих лиц. При этом наличие реализованных противительных отношений в предложении или расширенном контексте необязательно. Употребляя данные выражения, говорящий предполагает возможность иной точки зрения: *Да и опыт общения с ним, сказать по правде, не был удачным*. [Корпус. Порошин, 2001]. *Сказать по правде, эту рубрику мы задумывали специально для того, чтобы рассказывать о тех возможностях, которые СБС предоставляет своим клиентам и вкладчикам*. [Корпус, 1997]. *По правде говоря, мне это даже в голову не приходило*. [Корпус. Кэрри, 2004]. *По правде говоря, я человек очень азартный*. [Корпус. Складорова, 2002]. *Тане, пожалуй, было интереснее общаться с Виталиком*,

¹ Далее – Корпус.

поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем, но, по правде говоря, в качестве кавалеров её гораздо больше устраивали посторонние мальчишки [Корпус. Улицкая, 2004]. Дурманов написал, что на реализацию программ необходимо 30 тысяч долларов. Откровенно говоря, мы использовали гораздо больше. [Корпус. Митьков, 2003]. Таким образом, семантика исследуемых лексем, в сущности, не отражает информативный статус диктума. Противопоставлению может быть подвергнуто как объективное знание, так и мнение. Однако наблюдения показывают большее их тяготение к оценочным суждениям, что объясняется потенциалом дискуссионности, заложенным в структуре лексического значения.

Лексема *разумеется* по своему значению очень близка слову *конечно*, о чем свидетельствуют многочисленные контексты, где возможна взаимозамена данных единиц: *Разумеется / конечно (же), самым эффективным ходом было бы привлечение в партийные ряды президента Владимира Путина*. Е.С. Яковлева определяет значение слова «конечно» следующим образом: «говорящий сообщает, что он на основе своих знаний о мире квалифицирует А как типичное явление» [Яковлева, 1994, с. 260]. Значение *разумеется* отличается от сформулированного большей категоричностью, что делает невозможным сочетание данного слова с модальностью неопределенности: *Такой политический фон, конечно, вряд ли будет повышать интерес российского бизнеса к латвийскому рынку, в том числе к инвестиционному* [Корпус. Ильин, 2004] (*разумеется, вряд ли повысит – разумеется, не повысит). *В общем-то, конечно, грешники или, вернее, – сволочь, как говорил наш великий Петр, обезьянья сволочь* [Корпус, 2003] (*в общем-то, разумеется, они грешники – разумеется, они грешники). *Может / конечно / Россия и вступит в НАТО / но я лично не хочу* [Корпус, 2004] (*может, разумеется, Россия вступит – разумеется, Россия вступит). *В принципе / конечно / борьба с терроризмом / это основная задача всех стран* [Корпус, 2004] (*в принципе, разумеется, это основная задача – разумная задача).

Таким образом, значение *разумеется* можно сформулировать следующим образом: «говорящий абсолютно уверен, что А – типичное явление». Такая формулировка значения объясняет некоторые особенности употребления *разумеется*, в частности:

1) предпочтение *разумеется* в фигурах иронии: *Бюджетные средства на выполнение подобного вида работ, разумеется, не заложены* [Корпус. Корня, 2005]. *На какой минуте наступления выяснилось бы, что «горючку» для танков продали на сторону, ракеты не взлетают, потому что с них помыли серебро-содержащую электронику, патронов нет, потому что их поменяли у иракских солдат на водку, а вообще, разумеется, в провале операции виноваты злокозненные журналисты, клеветующие на армию, и московские политики, вступившие в сговор с Саддамом?* [Корпус. Латынина, 2004]. *Разумеется / если что-то взорвали / значит чеченцы*. [Корпус, 2000]. Фигур иронии с лексемой *конечно* в фондах Корпуса не обнаружено, хотя, вероятно, в устной речи, снабженные соответствующей интонацией, они возможны.

2) меньшая вероятность появления *разумеется* в конструкциях «конечно, А, но...»: *То есть, конечно, можно чего-то поправить. Но ведь я же не буду этого делать, я же себя знаю, свой характер* [Корпус. Гришковец, 2004]. *Оно, конечно, никуда не делось, но просто не торчит* [Корпус. Гришковец, 2004]. *Конечно, так ты сразу поймешь, готов ли он, но все соки из мяса вытекут*. [Корпус, 2003]. *Всё это, конечно, верно, но лишь отчасти... Снотворные средства, конечно, тоже имеют право на существование, но в последнюю очередь* [Корпус. Елгаева, 2003]. Во всех этих контекстах *конечно* заменяется на *разумеется* с большим затруднением, нежели в конструкциях, не содержащих противительный союз. По крайней мере, сплошная выборка из Корпуса в размере 100 контекстов не содержит высказываний подобного рода.

Все сказанное, однако, не позволяет однозначно отнести члены синонимического ряда *конечно / разумеется* к выразителям субъективных суждений. Несмотря на то, что ассертивной частью их значения является субъективное утверждение о типичности информации А, само суждение А в значении лексем является presupпозицией. Субъективный или объективный характер информации А в структуре значения не проявляется. Таким образом, выражения с исследуемыми частицами могут быть как утверждениями о фактах (*конечно / разумеется, он уже вернулся – я столкнулся с ним в гостинице*), так и субъективными суждениями, высказанными с высокой степенью уверенности (*конечно / разумеется, он уже вернулся, ведь его поезд прибыл без опоздания*), поскольку «как стереотипные могут квалифицироваться явления и с объективным, и с субъективным статусами» [Яковлева, 1994, с. 254].

Лексему *фактически* словари обычно рассматривают в грамматической функции наречия со значением «в соответствии с реальным существованием каких-либо явлений или фактов» [Толковый словарь служебных частей речи, 2004]. Более пристальное внимание к ее значению позволяет обнаружить такие семантические компоненты, которые свидетельствуют о субъективном статусе данной лексемы. Интерпретационность ее значения иллюстрируется следующими контекстами: *НАТО является военно-политическим союзом / и главная и фактически единственная цель мелких стран / участниц НАТО / это безопасность* (у участниц НАТО есть и иные цели, но говорящий оценивает их как несущественные). *Несмотря на административный ресурс «единороссов», они идут с коммунистами фактически «ноздря в ноздрю»* (разница в количестве голосов есть, но она, по мнению говорящего, незначительна). *После того как на прошедшем в четверг заседании правительства премьер фактически отказался слушать докладчика – первого заместителя министра финансов Сергея Шаталова, стало ясно, что никаких принципиальных решений на сей раз принято не будет* (слово докладчику все-таки было дано, но поведение премьера было интерпретировано как obstruction выступавшего). Во всех перечисленных случаях лексема *фактически* маркирует акт оценки объективной действительности с точки зрения аксиологических стереотипов говорящего субъекта. В этом случае говорящий отвлекается от тех аспектов ситуации, которые считает незначительными.

Интерпретационный статус частицы *фактически* обуславливает еще одну особенность ее употребления: она не сочетается с выражениями диктумного характера (или приводит к изменению семантики контекста) и наоборот, уместно в контекстах интерпретационного характера, формирующихся с использованием каких-либо фигур речи (метафоры, гиперболы, литоты): *фактически выставил меня за дверь – *фактически попросил меня уйти; предложение принято фактически единогласно – *предложено принято фактически при 2 голосах против; фактически бросили на произвол судьбы – *фактически не оказали необходимой помощи*. Частица *фактически* без изменения семантики предложения подменяется оценочными выражениями *в сущности, по сути, практически*¹, но при ее замене фактуальными лексемами *действительно, в действительности* в высказывании возникает семантический сдвиг. Так, в контексте *Надо понимать, что не изменение правового статуса ведёт к приватизации вузов, а то, что происходит сейчас – приватизация вузов его менеджментом фактически свершилась* [Корпус, 2003] употребление лексемы *фактически* позволяет дать следующую интерпретацию: 'сегодня руководство вузов имеет безграничные полномочия, которые позволяют ему безраздельно распоряжаться учебными заведениями по личному усмотрению'. Замена *фактически* на *в действительности* исключает фигуральное толкование выражения «приватизация свершилась» и приводит к иному понима-

---

¹ См. случай, когда это делает сам говорящий: *У нас фактически весь энергетический сектор – это касается нефти – практически частный*. [Корпус. Путин, 2005.]

нию: 'менеджмент вузов и фактически, и юридически является собственником учебных заведений в стране'. Аналогично: *А правительственный источник газеты добавил, что все назначенные и так фактически (*действительно) были заместителями руководителя аппарата: они давали свои рекомендации по важным для страны вопросам экономики* [Корпус. Литвинов, 2004]. Употребление лексемы *фактически* в данном случае означает, что назначенные на другие должности по сути выполняли функции заместителей руководителя, замена ее на *действительно* создает иной смысл 'на (какие-то) должности были назначены заместители руководителя', и в этом случае союзное средство *и так* должно быть вовсе изъято из контекста. В предложении *Мы не подменяем собой общегражданские суды, но наши решения о нормах закона фактически (*действительно) предопределяют решения по гражданским или уголовным делам* [Корпус. Маслова, 2003] подобная замена вообще приведет к нарушению закона противоречия, поскольку в пределах одного контекста тезис о разграничении функций судебных органов будет отвергнут как отрицанию, так и утверждению.

Вместе с тем, наблюдения свидетельствуют о возможности употребления лексемы *фактически* в значении 'на деле, в противоположность декларируемому или должному положению вещей': *Получается, что фактически вы застрахованы только от насморка, а за всё более серьёзное вы всё равно должны платить из своего кармана* [Корпус, 2004]. *Что вся экспертная работа действительно делается в заочном режиме / что фактически эксперты могут прийти на заседание с заполненной табличкой* [Корпус. Виноградов, 2004]. *Когда в областной думе поняли, что повышение налога приведёт к тому, что фактически будет собран меньший объём средств, проблема предпринимателей стала и проблемой депутатов* [Корпус. Любимов, 2004]. *То есть, фактически, говоря о повышении зарплаты на 33%, мы по многим категориям бюджетников даже не выполняем тот федеральный закон, который говорит об индексации заработной платы в связи с инфляцией* [Корпус. Ганапольский, 2003].

Данное значение проявляется в припропозитивной позиции лексемы, в которой функция частицы сближается с функцией наречия [Русская грамматика, 1982]. При изменении синтаксической позиции на присловную объективное значение меняется на субъективное: *Фактически он оставил семью без средств к существованию* ('на деле, в действительности') – *Он оставил семью фактически без средств к существованию* ('практически, почти'). *Этот закон фактически не выполняет свои функции, а стал поводом для штрафов и взяток* ('практически, в сущности') – *Фактически закон не выполняет свои функции, а является поводом для штрафов и взяток* ('на деле'). *В январе 2004 суды присяжных будут фактически во всей стране* ('практически, почти') – *Фактически с января 2004 года суды присяжных будут введены по всей стране* ('на деле, в действительности'). Таким образом, в разных синтаксических позициях лексема *фактически* обладает разным информационным статусом.

Проведенный анализ свидетельствует о возможности разграничения лексем – выразителей категорической эпистемической модальности в аспекте оппозиции «знание / мнение». Данное наблюдение противоречит тезису о нулевом способе выражения значения достоверности и открывает широкие перспективы лексикографического портретирования дискурсивных слов в данном аспекте.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. М., 1988. С. 6–17.

Доронина С.В. Средства выражения эпистемического значения и методологические основы лингвистической экспертизы // Филология и человек. 2009. № 3. С. 45–55.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorgo.ru.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 50–64.

Русская грамматика – 80. М., 1982. Т. 1, 2.

Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2004.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.